

НЕПОСЛУШНЫЕ (?) СЛОВА

Алексей ЛЕБЕДЕВ,

преподаватель Государственного гуманитарно-технологического университета.

Если бы мне задали вопрос «Как можно описать русский язык буквально в двух словах?», я бы без колебаний ответил: «Язык исключений».

И в самом деле, русский язык богат на исключения, пожалуй, даже больше, чем похожие на него по морфологическому строю языки (польский, литовский, латинский, санскрит и др.). В языках же типа турецкого или венгерского, где имеющие только одно значение суффиксы «приклеиваются» к корню, образование форм слов гораздо более регулярное и прозрачное, а разного рода «неправильности» практически отсутствуют.

Наверное, каждый из нас не один раз в школьные годы досадовал: «Ну почему все слова ведут себя по правилам, шагают в одном ряду, а другие ломают строй? Например, чего у нас нет — „мечт“? А может, „мечтей“? Он очутится, а я — „очучусь“ или „очущусь“? И как правильно: „побежду“, „победу“ или всё-таки „побежу“?»

Вот на примере последнего примера попробуем понять, в чём хитрость исключений, в чём особенность непослушных слов.

Как ни странно, из трёх форм глагола «победить» лучше, точнее, грамматически правильнее было бы — «побежу». Почему? Потому что слова-нарушители грамматического спокойствия возникли не по чьей-то прихоти. Они тоже подчиняются нормам. Только эти нормы у них свои.

Любой язык системен. Система языка состоит из подсистем. В русском языке большинство слов изменяется и потому имеет совокупности словоформ (по-научному — «парадигмы»). Например, существительное «слово» имеет парадигму из 12 падежных форм: 6 в единственном числе и 6 во множественном.

Так вот, эти совокупности словоформ бывают трёх типов.

Самые простые и понятные — *полные* (то есть нормальные, как у существительного «слово»). Именно от этого типа мы отталкиваемся, когда судим об исключениях.

А есть *избыточные* парадигмы, когда существуют варианты одного и того же слова и обе формы считаются правильными, вроде «вóлнам» и «волна́м», «весной» и «весною», «капает» и «каплет» и т. п. Их появление в конечном счёте объясняется историческим развитием языка, в том числе сосуществованием вариантов в определённый период (см. статью «Есть „матрац“, а есть „матрас“ — оба правильны у нас». — «Наука и жизнь», № 11, 2023 г., стр. 54).

Больше всего сложностей возникает в случае *неполных* совокупностей словоформ. Уже из определения понятно, что этим парадигмам чего-то не хватает. Например, мы не можем образовать формы от некоторых глаголов, потому что уже само их значение не предполагает этого. Например, разве может один человек «толпиться»? Нет, только группа, поэтому глагол не имеет форм единственного числа первого и второго лица («толплюсь» и «толпишься»).

Отсутствуют формы первого и второго лица настоящего времени и у безличных глаголов — типа «светать» или «смеркаться». Почему? Потому что обозначаемые процессы не предполагают активно действующих субъектов. Разве кто-то из нас становится причиной рассвета или наступления ночи? Не я «светаю» и не я «смеркаюсь».

Или, скажем, в языке нет форм единственного числа у существительного «дрожжи», поскольку мы не считаем их отдельными крупинками. А у слова

«молоко» отсутствует множественное число, потому что это неисчисляемое существительное.

Есть случаи, когда слова не имеют той или иной (даже порой очень нужной нам!) формы из-за неблагозвучия. Так, полная форма мужского рода прилагательного «рад» отсутствует, потому что предполагаемое «радый» «не звучит», да и пресловутое «нет мечт» выговаривать неудобно — многовато согласных в конце слова.

Неполная парадигма может возникнуть из-за особенностей употребления или происхождения слова. Так, прилагательное «зелёный» теряет свои краткие формы («зелен», «зелена» и др.), если оно используется, к примеру, в таких значениях: «2. *только полн. формы.* Растительный, состоящий из зелени (во 2 знач.). *Зелёные насаждения*» или «7. *только полн. формы. Составная часть многих ботанических обозначений. Зелёные водоросли. Зелёный чай*» (Толковый словарь русского языка. Т.1. / под ред. Д. И. Ушакова. — 1-е изд. — М.: ОГИЗ, 1935. — с. 584).

А вот в значении «незрелый» прилагательное «зелёный» сохраняет полную парадигму, которая включает и краткие формы, как в басне Ивана Крылова «Лисица и виноград» («Да *зелен* — ягодки нет зрелой»).

Другой пример: у наречий, образованных от существительных («утром», «наизнанку» и пр.), нет степеней сравнения. Потому что невозможно быть «утрее» или «более наизнанку». Логика языка отсеивает такие словоформы как нелепые.

А вот их собратья — наречия, что ведут происхождение от качественных прилагательных, — могут образовывать степени сравнения без труда: «красиво» и «красивее», «блистательно» и «блистательнее», «темно» и «темнее» и т. д.

Что же из перечисленного становится препятствием для образования формы первого лица единственного числа глагола «победить»?

Исторически сложилось так, что некоторые глаголы второго спряжения меняют «д» на «ж» в форме первого лица единственного числа («родить» — «рожу», «пощадить» — «пощажу»). И в рамках этой логики от глагола «победить» вполне закономерно могла бы образоваться форма «побежу».

Но чуткие к звучанию любители словесности, а также составители словарей и грамматик отвергли её, как и формы «победю» и «побежду», по правилу благозвучия. Получается, что такая категория, как «красивость» произношения, тоже влияет на образование форм того или иного слова — и от этого зависит, войдут ли эти словоформы в литературную норму или нет.

Как видим, система языка позволяла создать подходящую словоформу для глагола «победить», но правило не сработало, потому что возникла необходимость оградить литературный язык от омонимичной диалектно-просторечной формы глагола «побежать» — «побежу», которую можно было бы спутать с «побежу» от «победить».

А ведь некогда такая форма в языке существовала! И в Национальном корпусе русского языка она встречается три раза. Напомню, что Национальный корпус — это электронный ресурс, в котором собраны важные для изучения истории русского языка тексты разных эпох, стилей и жанров.

В одном из примеров этого Корпуса есть словоформа «побежу» — она встречается в эссе футуриста-имажиниста В. Г. Шершеневича, где он призывал активно восстанавливать «неправильные» или утерянные формы слов. Зачем это ему понадобилось? Для победы образа над смыслом, как он утверждал. И как пример выразительных форм приводил в том числе и «побежу». Заметим, что ни «побежду», ни «победю» он не использовал, а выбрал «правильное» образование «побежу».

Отсюда вопрос — почему же нам не подходят формы «побежду» и «побе-

дю»? Что с ними не так с точки зрения системы русского языка?

«Победю» выпадает потому, что окончание «-ю» («-у» после мягкого) исторически не могло находиться после зубных согласных [т] и [д], ведь в древнерусском языке они превращались при смягчении в [ч'] и [ж'] соответственно («замѣтити» — «замѣчю», «видѣти» — «вижду»). Однако позднее старые фонетические законы перестали действовать, сохранившись лишь в виде тенденций или, как в этом случае, остаточных запретов и ограничений. Вместе с тем «-ю» осталось окончанием первого лица единственного числа для основ на мягкий согласный (в обоих спряжениях: и в первом — «желаю», «умею», «кочую», «прополю», и во втором — «говорю», «велою», «ценю», «стою»).

Именно поэтому пользователи языка, которые не придают особенного значения нормам (или вовсе не знают их), используют это окончание и в случае с глаголом «победить», ведь при спряжении основа в большинстве форм оканчивается на мягкий согласный («побе[д']ишь», «побе[д']ят», «побе[д']или» и т. п.).

Форма «победю» может появляться в речи детей, поскольку они следуют общим правилам и пока не принимают во внимание исключения и частные схемы образования форм слов, которые появились благодаря старым фонетическим законам. В Национальном корпусе приведён тому пример — в цитате из романа Евгения Евтушенко «Ягодные места», где Серёжа Лачугин рассуждает над формами «победю» и «побежу» — и отбрасывает их как недопустимые, ведь победить, по его мысли, можно только вместе.

«Побежду» не будет правильным потому, что такая словоформа образована в рамках логики церковнославянского, а не русского языка. И эта форма цитируется в Национальном корпусе чаще всего — в речи священников или в церковных текстах. Полагаю, современное шутовое «побежду» происходит из иронической речи взрослых, знакомых с системой древнего языка религии и

культуры, то есть из юмора образованных людей.

Кстати, некоторые церковнославянизмы в спряжении всё-таки прижились в русском литературном языке, например, образование форм причастий («горящий» при исконно русском «горячий», которое стало прилагательным). Или чередование «т/щ» в первом лице единственного числа некоторых глаголов второго спряжения вместо исконно русского «т/ч», которое затронуло даже однокоренные слова: «проглотить — проглочу», но «поглотить — погложу», хотя по-русски было бы, конечно, «погложу». К слову, по этой же логике получаем «очучусь», а не «очущусь».

Так что словоформа «побежу», как мы видим, лежит вполне себе в логике русской системы спряжения, однако использованию этой формы мешают давняя попытка размежевания с диалектными формами глагола «побежать», а также правила благозвучия — то есть существует возможность «отбраковки» слов литературной нормой, точнее, теми, кто её создавал и утверждал когда-то.

Подводя итоги, хочу сказать, что в языке действует сразу много разных законов, и лишь их совокупная работа определяет, допустим, образование форм слов. Иногда словоформы, выстроенные строго по грамматической логике, не используются из-за семантических или иных ограничений. Порой же их использованию мешает лишь устаревшая норма.

Изучение форм, которые признаны, которые считаются нарушителями, помогает лучше понять систему языка, установить, какой набор его законов действует в том или ином случае.

Более того, мы видим, что ошибки бывают совершенно разными: одни могут отрицать норму литературного языка, но отражать какую-то другую норму (например, иного языка), другие могут противоречить норме литературного языка, но не системе языка в целом, наконец, они могут быть не в ладу как с нормой, так и с системой.